

theoros» Гюйгенса, а также — и это Паус настойчиво подчеркивает в своей автобиографии — потому, что лица, пользовавшиеся его трудами, не хотели обнаружить, на каких источниках основывались их исследования.

«Observationes» Пауса так же полны противоречий, как и он сам. Паус потратил всю жизнь на то, чтобы проникнуть в дух русского языка, который он совершенно правильно рассматривал в связи с другими славянскими языками — польским, чешским, вендским, и в то же время и русский язык и народ оказались ему в конечном итоге непонятными.

Сложные взаимоотношения внутри Петербургской Академии благодаря «Observationes» Пауса становятся очевидными во всей их невыносимой запутанности. Паус изображает и коварство Шумахера, и присвоение чужих трудов Миллером — так во всяком случае он утверждает. По их вине, говорит Паус, его работы по изучению русского языка не находили того признания, на которое он считал себя вправе рассчитывать. Когда он потребовал скромного гонорара за свой русско-немецкий словарь, Шумахер вышвырнул его за дверь, на что Паус жалуется с законным негодованием. И это — одна из многих подобных сцен, которые он описывает в своем откровенном сочинении.

Паус, с одной стороны, — пиэтист и стоит в столь же тесной связи с пиэтизмом, как А. Г. Франке или Э. Байер; с другой — он восторженный последователь Вольфовской философии, в чем сам неоднократно признается в «Observationes». Ничто так не отражает его противоречивую натуру, как сочетание этих двух духовных течений, резко противостоявших друг другу в то время, когда он писал свой отчет. Паус рассказывает также историю возникновения своих работ, которая до сих пор была неизвестна, но в высокой степени заслуживает внимания славистов и историков. Он подробно говорит о возникновении своего русско-немецкого словаря 1727 года, о своей русской грамматике, которую он будто бы начал писать еще в 1705 году, когда после смерти Глюка стал директором московской гимназии, и продолжал ее с 1707 года, будучи воспитателем юного князя Долгорукого. О славистическом наследии Глюка, которое должно было быть особенно значительным именно в области изучения русского языка, Паус умалчивает.

Его неприязнь к сильно им преувеличенному греческому влиянию на русскую грамматику везде проступает чрезвычайно резко. Это влияние он рассматривает как препятствие к восприятию западных, прежде всего, конечно, протестантски пиэтистских идей, и потому решительно отклоняет его. Подобным же образом за несколько десятилетий перед тем отвергал греческое влияние